

С 42
А - 484

ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ
ПРИ МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

М. И. СКВОРЦОВ

**СТАРОЧУВАШСКАЯ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА**

(№ 665 — тюркские языки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

МОСКВА — 1972

На правах рукописи

М. И. СКВОРЦОВ

Мван Павлович Павлова -

учитан-чиререн

7/15-72.

СТАРОЧУВАШСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА

(№ 665 — тюркские языки)

14p

*из комиссии
Павлов М. П.*

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель —
доктор филологических наук
А. А. ЮЛДАШЕВ

К 81 Чув - 3, 022

Работа выполнена в Институте языкознания АН СССР.

Официальные оппоненты:

Доктор филологических наук **И. А. Андреев.**

Кандидат филологических наук **И. Г. Добродомов.**

Ведущее учреждение — Научно-исследовательский институт при Совете Министров Чувашской АССР.

Автореферат разослан „_____“ _____ 1972 г.

Защита диссертации состоится „_____“ _____ 1972 г.

на заседании Ученого совета Института восточных языков при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института восточных языков при МГУ.

Ученый секретарь Совета

ПРОВЕРЕН
20.10.16 АВГ 2017

A-484

Институт языкознания
Библиотека
Чувашской АССР

Прошлые этапы развития общественно-политической лексики, судьбы старых терминов, отразивших социальные отношения своего времени, представляют огромный интерес с точки зрения истории народа — носителя языка. Ценность данных языка еще более возрастает при отсутствии древних документальных свидетельств, как это имеет место в чувашском языке.

Изучение старой общественно-политической лексики диктуется и интересами самой лингвистики. Исследование становления, развития и исторически обусловленной смены групп лексики, связанных с социальным бытом и политической жизнью, дает возможность установить закономерности сохранения и отмирания элементов этой системы, вскрыть характер семантических взаимодействий составляющих системы между собой и с общеязыковой лексикой. Особую актуальность этой задаче придает то, что значительная часть чувашской архаической лексики еще не собрана и не вовлечена в исследовательский оборот.

В реферируемой диссертации поставлена цель возможно более полной инвентаризации, тематической классификации, историко-сопоставительного, семантического и функционального описания слов общественно-политического содержания, бытовавших в прошлом в чувашском языке. Материал для исследования черпался как из лексикографических трудов, прежде всего 17-томного «Словаря чувашского языка» проф. Н. И. Ашмарина, так и из исследовательских работ.

Диссертация состоит из введения и четырех глав. В первом разделе введения рассматриваются вопросы о составе общественно-политической лексики и терминологии. Проанализировав существующие точки зрения на тематические рамки данной лексической общности, а также ряд лексикографических работ, автор приходит к выводу о правомерности наименования ее термином общественно-политическая лексика (а не общественно-политическая терминология). На материале составленного им «Русско-чувашского общественно-политического словаря»

автор определяет состав этой лексики в ее современном состоянии¹.

Далее кратко рассмотрена история изучения старой социально-политической лексики чувашского языка. Ее фиксация (вместе с другой лексикой) проводилась со второй половины XVIII в.; первые опыты этимологизации отдельных слов относятся к середине XIX в. Но работа эта не носила систематического характера. В новое время значительно продвинули вперед изучение социально-политической лексики Н. И. Ашмарин² и В. Г. Егоров³. Наблюдения по генезису и семантическому развитию ряда слов этой сферы содержатся в работах чувашских лингвистов И. А. Андреева, А. С. Львова, И. П. Павлова, Г. Е. Корнилова, М. Р. Федотова и др.

Большой вклад в историческую лексикологию чувашского языка, в том числе и в изучение истории слов общественно-политического содержания, внесли отечественные и зарубежные тюркологи, труды которых широко использованы в диссертации. Неразрывная связь слов данной сферы с явлениями социальной действительности предопределила необходимость широкого обращения к исторической литературе.

Заключительный раздел введения посвящен вопросу о хронологических и тематических рамках исследуемого лексического материала. При современном состоянии чувашской исторической лексикологии мало реальна задача воссоздания синхронного среза с соответствующими лексическими микросистемами на каком-либо этапе истории. Это определяет значительную условность принятых в диссертации временных границ. Ближним к нам хронологическим порогом взята пора начала интенсивных чувашско-русских языковых связей, совпадающая с вхождением чувашей в состав Русского государства (середина XVI в.). Таким образом, термины, заимствованные из русского языка, в диссертации не рассматриваются. Для дальнего от нас хронологического порога не удается установить такой границы. Можно лишь с большей или меньшей вероятностью связывать историю конкретного слова с одним из ретроспективно выделяемых периодов истории чувашского народа: казанско-ханским, золо-

¹ Эти вопросы освещаются в нашей статье: К вопросу о составе общественно-политической лексики и терминологии. «Синхронно-типологические и историко-типологические исследования». М., 1972.

² См. его труды: Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш. «Изв. Северовост. археол. и этногр. ин-та», г. II. Казань, 1921; Болгары и чуваш. Казань, 1902 и др.

³ См.: Введение в изучение чувашского языка. М., 1930; Современный чувашский язык в сравнительно-историческом освещении, ч. I. Чебоксары, 1954; Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

гоордынским, болгарским или, еще более гипотетически, добулгарским.

Основу старочувашской социально-политической лексики, как и современной, составляют слова, связанные с государственно-политическим строем, общественными отношениями и соответствующими институтами. Они являются предметом рассмотрения в первых трех главах диссертации. Всего здесь анализируется 160 слов. К этому ядру общественно-политической лексики тесно примыкают и некоторые другие тематические группы слов. Во введении дается их общая классификация и краткая справка о семантике каждого слова, а также указывается генезис заимствованных слов.

Прежде всего мы относим сюда наименования из сферы социально-экономических отношений. По содержанию они подразделяются на несколько групп:

а) слова, связанные с имущественным состоянием и правом собственности: пурлӑх «имущество», мул (араб.) «богатство, капитал», пуян, пуянлӑх «богатство», семен (араб.) «богатство», тивлет (араб.-перс.) «богатство, благо», хуру «состояние», еткер (перс.) «наследство, имущество», ят «лицо, персона (имеющая право собственности)», тӑпчӑк «наследник», карт «бирка для учета податей; условная расчетная единица» и др.

б) термины торговли, обмена: сум «рубли», укса «деньги, монета», пус «копейка», тенкӑ (перс.) «монета, рубль», хуса (перс.) «купец, хозяин», услам «прибыль», пасар (перс.) «базар, рынок», хак (араб.) «цена, плата», сӑтев «придача, прибыль» и др.

в) слова, отражающие производственную специализацию и кооперацию: ес «труд, ремесло», кесӑп (араб.-перс.) «ремесло, промысел», ӱнер, енер (перс.) «ремесло, промышленность», ӑста (перс.) «профессия, мастер», ниме «помочь», касу «черед, череда (в отбывании повинности)», акаташ «компаньон по пахоте» и др.

Тесную связь с социально-политической лексикой имели также обозначения из области права и правосудия: тав (араб.) «тяжба», шарахат (араб.) «развод», сӑрав «розыск», тӑс «поличное, улика», ант «клятва», шӑрт (араб.) «присяга», тупа (араб.) «клятва», кӱнтелен (монг.) «свидетель», тӑпӑ «свидетель», чуха «донос», элек (араб.) «клевета», вӑрӑ «вор, воровство», шанкуй «разбойник», яван (араб.) «оправдание», хаса (араб.) «наказание», хуранг «публичное посрамление», пус яр «осудить» и др.

Военно-социальная лексика распределяется по таким рубрикам:

а) слова, обозначающие внутрисоциальную обстановку,

состояние войны и т. д.: самана (араб.) «обстановка, эпоха», канәсләх «мир», ҫураҫу «мир», ҫуй «война», вәрҫә «война, битва», халхав, хавха (араб.) «тревога», пәтәрмах «смятение, бунт» и др.

б) наименования войск и воинов: ҫар (согд.) «войско, армия», эшкер (перс.) «войско», *патрак⁴ «знамя, конвойное подразделение», хусах «казак, вольный», меркән (монг.-тюрк.) «меткий стрелок», *төкөрсө «стрелок-лучник», ҫәмренҫә «стрелок-лучник», *сыпай (монг.) «воин-всадник», вашхәртуҫси (араб.-тюрк.) «шпион» и др.

в) термины, связанные с охранно-караульной службой: хурал (монг.) «охрана, караул», синкер (перс.) «укрепление», чикә «граница», *хутар (монг.-тюрк.) «стража», *тускал, тускел (монг.) «сторожевой пункт», сыхча «стража» и др.

Сюда же примыкает лексика, связанная с народными обычаями и празднествами, религиозными обрядами:

а) названия из области бытовой обрядности: йәла «обычай», йөрке «церемония, обычай», хавал, халам (араб.) «обычай», мешехе (араб.) «обряд, церемония», уяв «праздник», туй «праздество, свадьба», кушар (монг.-тюрк.) «молодежный праздник», пайрам (араб.) «праздник», турпатти «будни, не праздничное время» и др.

б) названия религий и социальных групп, выделяемых по религиозному признаку: тән (араб.-перс.) «религия», төшмөш «суеверие», ҫу (марийск., в сложениях ҫу-ҫармәс, ҫу-чаваш) «истинный, некрещенный», тутар «татарин, мусульманин» и др.

в) названия жрецов, знахарей и т. п.: юмәҫ «колдун», вөрҫә «заклинатель», әрәмҫә (араб.) «заклинатель, прорицатель», тухатмәш (араб.-чув.) «колдун, колдовство», асамҫә (араб.) «заклинатель, волшебник», мәчавәр (араб.) «жрец», сәпә, сәпай (араб.) «скромник, лицемер» (первонач. «суйфий»), *әрсай (согд.) «отшельник, святой» и др.

г) название культовых обрядов и т. п.: чүк «жертвоприношение», келә «молитва», ураса (перс.) «пост», ҫәва «кладбище», масар (араб.) «кладбище», паләк «намогильный столб; поминки», петү (кит.-тюрк.) «амулет» и др.

Привлечение этих слов диктуется, во-первых, целью создать более полное представление о совокупном массиве старочувашской лексики общественно-политического содержания, во-вторых, необходимостью в ходе исследования обращаться к материалу, выходящему за пределы центрального

⁴ Здесь и далее звездочка означает, что слово сохранилось лишь в составе топонимов и антропонимов.

ядра изучаемой лексической общности. Всего в группах социально-экономической, юридической, военной и религиозно-обрядовой лексики содержится свыше 160 слов; таким образом, общее количество всех рассматриваемых в диссертации лексических единиц достигает 330.

Хотя в целях краткости историко-этимологическая разработка по словам указанных четырех групп не приводится, вопрос о происхождении многих из них решается по-новому, или вообще впервые предпринимается попытка определить их генезис (например, таких как: семен, ят, тӑрак, сӹ, капар, ӑрсай, кӱнтелен, хаса, сыпай, вашӑртуҫси и др.).

ГЛАВА I. Старые чувашские термины, связанные с государственно-политическим устройством и управлением

Глава начинается с рассмотрения слов, передававших общее понятие власти. Исторически одним из древнейших выразителей этого важного понятия был, вероятно, термин тӱре «судья, чиновник, начальник», употреблявшийся обычно в сложении тӱре-шара «начальство, власть». Есть данные, свидетельствующие о наличии в прошлом у слова тӱре значения «правосудие, правопорядок». Чув. тӱре восходит к др.-тюрк. тӱрӱ, давшему ряд рефлексов во многих тюркских и нетюркских языках. Термин тӱре-шара структурно представляет собой парное сложение. Компонент -шара, вероятно, имеет этимологом известный арабско-мусульманский термин шариат. В языковой практике тюрков термины тӱрӱ «обычное право» и шариат «законы ислама» длительное время сосуществовали и активно взаимодействовали. Фонетически вероятным прототипом чув. -шара может быть форма араб. множ. числа этого слова шарай.

Понятие «власть» в чувашском языке выражалось и иными, менее употребительными терминами: тӱре-шехер (где -шехер восходит к перс. шӑһр «город; власть»), ирӑк «воля, соизволение, власть», сӑр (араб.), меслет (араб.). Последние два слова располагают рядом иных значений, в которых активно используются и ныне. В рассматриваемую группу включается и слово хысна «государство, казна», диал. хасине «клад», восходящее к араб. хазинэ «клад, казна».

Названия учреждений власти и слова, связанные с их функционированием. Одним из трудно расшифровываемых рефлексов древней терминологии является слово тӑван (вариант тӑвам). Первый сохранился в ономастике, второй — в названиях языческих божеств. С элементом Тӑван известно несколько чувашских топонимов, компонент Дуван входит в названия ряда селений в Татарии и Башкирии. Оба эти варианта (тӑван и дуван) восходят в конечном

счете к перс. диван, но отражают разные его значения: башк. дуван «союз, племенное объединение» естественно отнести к значению «совет, собрание», чув. таван — к значению «чиновник, должностное лицо». Именно в этом значении термин дуван был широко употребителен в деловом языке ряда государств, в том числе и Московской Руси.

Преемственные связи с социально-политической терминологией древних тюркских государств имеют чувашские термины канаш «совет», вырэн «место, должность, престол», также «учреждение, ведомство», йорлак «свидетельство, билет», йарлакэш «жалованье», тумха «печать, тамга; пошлина», пайталла (ср. кит.-тюрк. пайза) «имеющий законную силу». В числе слов этой группы рассматриваются также хёсмет (араб.) «служба», тура (перс.) «клеймо, знак».

В чувашском языке в прошлом бытовало большое количество слов, обозначавших подати и повинности. Два термина этой группы имели наибольшее распространение, семантически генерализуясь до понятия «подати вообще»: куланай (= тюрк. калан) «подать, дань», хырәс (араб.) «оклад, оброк, подать», ср. сложение хырәс-марәс «подати, налоги». Другой общеизвестный налоговый термин йасак «оброк», судя по фонетическому облику, представляет собой недавнее заимствование. Вероятно, раньше была в обиходе и чувашская форма этого термина, ср. йусаләх «подати, налоги», диал. йосах «оброк».

Дериватами общетюркских корней являются такие чувашские слова, как тӱлев «налог, штраф, плата», парам «долг, подать, налог», пару «дань», сулам «обложение, мелкий налог», *тивеш (ср. крым.-тат. тийиш «вид дань»), лав «подводная повинность». Дополнительных изысканий требует термин неясного происхождения тах «барщина». Несколько особняком стоят специфически чувашские обозначения повинностей вак-тёвек «мелкие поборы», хётэхлех «повинность».

В следующем разделе, посвященном названиям государственных и административных единиц, привлечено к рассмотрению много древних, глубоко архаичных слов. Для выражения понятия «страна» в настоящее время употребляется слово сёршыв. Высказывалось мнение, что оно относится к числу новообразований послеоктябрьского периода. Однако сложение корней сёр «земля» и шыв «вода» — весьма древнее. Прототип чувашского сёршыв — др.-тюрк. йир-суб (или суб-йар) наличествует в самых ранних памятниках как вполне сложившийся термин. У древних тюрков был широко распространен культ земли Суб-йар, божество под названием Сёршыв имелось и в языческом пантеоне чувашей. Частичным синонимом к сёршыв являлось слово санталәк (саванталәк) «погода, природа».

также «страна, мир», сложившееся на базе перс. джāһан «вселенная» и чув. тавлăк «нечто цельное».

До недавнего времени в официально принятом значении «государство, государственный» был в употреблении термин патшалăх. Это слово, имеющее соответствия во многих тюркских языках, образовано на базе перс. падишаһ «царь» (в чув. патша). Значение «государство» у слова патшалăх отражает современную дефиницию и, вероятно, не является изначальным. Следует отметить, что понятие «государство» в старое время передавалось, с помощью метонимического расширения семантики, терминами патша и ёмпұ «царь».

К числу широко распространенных в алтайских языках терминов относятся: тёмен «область, мир», атав «район», Атав «название деревни» (ср. тюрк. отаг «род, община»), урта «невежда, нахал» и арта «длинношерстная овчина» (оба восходят к термину орда). Семантические сдвиги и перемещение в иные функциональные сферы лексики, характерные для древних терминов вообще, выступают в последних случаях особенно рельефно.

Первая глава заканчивается рассмотрением общих названий городов и укрепленных пунктов, имевших в старое время прежде всего государственно-политическое и военно-стратегическое значение. Характерным для этой группы является преобладание заимствованных терминов, многие из которых имеют чрезвычайно широкое распространение. Таков и чувашский термин хула «город», восходящий к араб. кала. Топонимические данные позволяют восстановить для чув. хула и значение «укрепление». Чувашские хула в древности представляли собой укрепленные городки, замки, где располагалась резиденция феодала. В отличие от слова хула, полузабытый ныне термин шехер, шекёр (перс.) обозначал центр более высокого ранга — столичный город. Это хорошо увязывается с другим значением того же слова «власть». Широко употреблявшееся в прошлом составное наименование шёкёр хула «столичный город», вероятно, является калькой с персидского прототипа шаһристан «город», букв. «место, где находится власть». Весьма продуктивным был этот корень в чувашской ономастике.

В составе ряда топонимов, в том числе в чувашском названии города Чебоксары — Шупашкар, выделяется элемент -кар, имеющий несомненную общность с коми, удм. кар «город, городище». Этимология этого слова окончательно не установлена. Заслуживает внимания предположение Б. А. Серебренникова о связи данного топонимического элемента с чувашско-булгарским кермен, кармаи «крепость». Последнее слово сохранилось в качестве историзма в чувашском языке.

обнаруживается оно и в составе топонимов, а также языческих чувашских имен. Наряду с указанными терминами в диссертации подробно рассматривается вопрос об отражении в чувашской ономастике широко распространенных старых терминов: тюрк. тура «город, укрепление» (чув. топонимы Трак, Ялтӑра), монг. кӱрӑйн «лагерь, стойбище» (чув. топонимы Караньяль, Карантай-касси, антропоним Карантай), перс. кёшк «загородный замок» (чув. топонимы с элементом Кушӑк, Кушкӑ) и др.

ГЛАВА II. Древние сословные титулы и звания

В диссертации принята иерархическая схема — с переходом от более высоких по социально-политическому положению и рангу наименований к менее высоким.

Номинация понятия «верховный властитель, царь» в чувашском языке осуществлялась с помощью различных лексических средств. По историческим соображениям на наибольшую древность может претендовать титул хун «хан», впоследствии также «дух, божок». Существует точка зрения, согласно которой чув. хун является недавним заимствованием из тагарского. Исторические и лингвистические данные противоречат этому. Каганами назывались еще хазарские цари, властвовавшие над предками чувашей — булгарами. В числе слов, сохранившихся от прежнего тюркского языка дунайских булгар, имеется титул кан(ас). О значительной архаичности чувашского слова хун говорит его религиозно-мифологическое осмысление и активность в ономастике. Именно в значении языческого бога заимствован этот термин у чувашей марийцами. Вполне вероятно предположение о том, что чувашский антропоним Турхунне хранит отзвук имени древнетюркского божества Тенгри-хана (тюркскому тенгри в чувашском закономерно соответствует турӑ «бог»). Что касается варианта хан, тоже имеющегося в чувашском языке, то он, очевидно, является приобретением последнего времени.

Термин ёмпӱ «великий князь, царь» представляет собой сложение титула пӱ «князь» со словом ем (=тюрк. ин «очень, самый»), в таком виде он не находит соответствий в других тюркских языках. Интересно совпадение его в структурном отношении с мордовским инь-азоро «царь», где инь «большой», азоро «господин, хозяин».

В новое время основным термином для выражения понятия «царь, монарх» в чувашском языке было слово патша (перс.). Вероятно, оно явилось приемником более древнего ёмпӱ. Но, в отличие от него, термином патша чуваша называли не только монарха, но и крупных местных феодалов. Не сохранились в нарицательном значении, но оставили следы

в чувашской ономастике титулы высшего ранга султан (араб.) и елик. Первый, кроме собственных имен людей, входит в названия некоторых языческих божеств. Титул елик, образованный на базе древнего термина эль, иль «народ, государство», вероятно, лег в основу топонимов Элёк и Элкел. Возможно, с ним связан и титул властителей Волжской Булгарии — эльтебер.

Раздел, посвященный титулам феодальной знати и почетным званиям, а также тесно связанные с ним очерки о феодально-мусульманских титулах представляют собой центральную часть данной главы. Наиболее известны из них по роли их носителей в прошлой истории чувашского народа или по распространенности в апеллятивном значении наименования: пў «князь» и производные от него сёрпў «сотник», пинпў «тысяцкий», вунпў «десятник», турхан «тархан», улпут «господин, помещик», пике «госпожа, барыня», паттър «богатырь, герой», мърса (араб.-перс.) «мурза», мулла (араб.) «мулла, жрец». Большинство же древних титулов сохранилось лишь в названиях селений и личных именах. Некоторые из них, такие как Търән, Хапăс. Турхан, Сёрпў, получили в литературе историко-этимологическое толкование. В диссертации произведен опыт подобного исследования в отношении чувашских топонимов Карач. Търәм, Улянкă, Енел, Карай, Пўсрек, Сител, Шăхасан, антропонима Шелепи и др., установлены их связи с титулами тюркского и нетюркского происхождения.

В отличие от группы титулов феодальной знати, где много заимствований, в разделе о номинации глав родов и племен представлены исключительно тюркские наименования, характеризующиеся большой древностью. Раздел содержит очерки, посвященные терминам пуç «голова, глава», асли «старший, главный», ватă «старейшина», вăлă «дух героя» (ср. тюрк. улуг «великий»), муни «старейшина, родоначальник», вёрле в сложении хăна-вёрле «гости» (ср. монг. ёрлўг «витязь», герой).

В чувашском языке в значительном количестве отложились старые должностные звания и титулы. Как и титулы феодальной знати, многие из них не удержались в живом языковом обиходе, а выявляются в составе топонимических названий и личных имен, а также в номенклатуре языческих божеств. Типичными примерами подобных апеллятивов, законсервированных в собственных именах, являются термины баскак «наместник» (чув. топоним Паскак), албанчи «даныщик» (чув. топоним Алманчă), йалавач «посол» (чув. божество Йулавăç, топоним Йулапăш), шикавул «придворный чин» (чув. топоним Шаккăл), бойурук «приказный» (чув. топоним Пўркек). В значении «помощник писаря»

употреблялось в прошлом слово шака́рча, имеющее вероятным этимологом перс. шагерд «подручный, помощник».

Одним из наиболее актуальных старых социальных терминов было слово куштан «кулак, мироед; горлапан, заправил; гордец, спесивец и т. д.». Происхождение этого слова, отмеченного также в татарском, марийском и русском языках, до сих пор не установлено. Кажется возможным сближение его с монг.-тюрк. кашиктан, кезиктен. Этим словом назывались люди, составлявшие личную гвардию монгольских ханов. Кашиктаны, находясь под особым покровительством хана, могли безнаказанно творить всякий произвол. Со временем это характерное название, вероятно, было перепесено на другие сходные социальные элементы — мирских заправил, терроризировавших население, пользуясь поддержкой золстоордынских чиновников или местных богатеев. Словообразовательно кашиктан — производное от кашик «очередная стража», последнее является монгольской переделкой тюрк. казык от кӑз «проходить, странствовать»).

Глава о титулах и званиях дополнена разделом, содержащим термины социально-имущественной дифференциации общества, концентрирующиеся вокруг смысловых полюсов «богатый» и «бедный». Имея широкие и древние связи с общетюркской лексикой, эта группа чувашских слов во многом своеобразна, она отражает конкретно-исторические условия быта чувашской деревни.

ГЛАВА IV. Термины социально-этнического деления

Следуя иерархическому принципу расположения материала, мы начинаем главу с анализа наименований наиболее крупных по масштабам этнических единиц. Понятие «народ» в чувашском языке сейчас выражается арабским по происхождению термином халӑх, широко распространенным в тюркских языках. В чувашском языке слово дополнительно приобрело значение «общество, мир; общественный, мирской». В том же значении «мир, община» широко употреблялся в прошлом составной термин хура халӑх, имеющий преемственную связь с др.-тюрк. кара бодун «простой народ».

Исторически, однако, более древним выразителем понятия «народ, племя» был термин ял, являющийся закономерным рефлексом др.-тюрк. эль, иль «народ, государство». Следы древней семантики слова ял сохранились в многочисленных реликтовых выражениях. Установление исторической судьбы этого важного термина осложняется тем, что в чувашском ял слились два тюркских слова: эль «народ» и айыл, авул «селение, деревня». Слово ял сейчас является основным термином, передающим понятие «деревня, селение».

Для обозначения более мелких этнических единиц — рода, племени чувашами использовалось большое количество названий, как тюркских, так и заимствованных. Древнейшие связи с тюркским языковым миром имеют чув. йăх (др.-тюрк. ук), ħру (др.-тюрк. уруг), вот (др.-тюрк. отаг). Арабским по происхождению является термин несёл «род, племя, происхождение». В чувашской топонимии сохранились следы и другого арабского термина — таифэ «племя, группа, община»; мы находим его в названиях деревень с элементом Таяпа.

Следующий раздел этой главы посвящен словам, с помощью которых назывались понятия «родство, родственная связь». Здесь производится историко-этимологическая разработка и семантический анализ таких слов, как тĕп «род, родственный корень», как «корень, род», тавраш «род, фамилия, происхождение», тăхам (перс.) «род, потомство, отпрыск», турту «родство», евĕр «порода, потомство», тĕпер (перс.) «род, семья, происхождение».

Как известно, новые социальные явления часто обозначаются старыми, иными по первичному содержанию словами. Именно так обстоит дело с названиями поселений в чувашском языке: почти все они служили сначала обозначениями родо-племенных единиц или становищ кочевников. В разделе об общих названиях селений и их частей анализируются термины типа: сала «село, выселок», сурт «дом, селение», вăш (марийск.) «родственная группа; поселение» (в топонимах), касă «выселок, околоток», тĕпе «околоток», картиш «околоток» и др. Кроме того в качестве нарицательных терминов со значением «поселение» выступали и другие социальные термины, рассмотренные выше, например, яд, таяпа, кушка.

В заключительном разделе третьей главы рассматриваются старые чувашские названия социальных коллективов различных масштабов, начиная с максимально широкого (общество, мир) и кончая отдельной семьей. Исконно-чувашскими, древнейшими терминами этой тематической группы являются йыш «семейство, общество, коллектив», и кия «семья, дом». Наряду с ними использовались и более поздние лексические приобретения, такие как тĕнче (араб.) «общество, мир, вселенная», кĕп (тат.) в сложениях кĕрше-кĕп «соседи», йыш-кĕп «родня», ямахат (араб.) «семья». Как и обозначения из других сходных групп, термины этнической и социальной стратификации в чувашском языке, особенно заимствованные, характеризуются значительной локальной ограниченностью.

ГЛАВА IV. Общая характеристика старочувашской общественно-политической лексики

Придерживаясь тех же аспектов, в которых проводилось исследование конкретного лексического материала, заключительную главу диссертации мы начинаем с раздела об его генетическом составе и исторических связях.

Старая чувашская лексика общественно-политического содержания представляет собой весьма неоднородную по происхождению совокупность слов, где тюркские и чувашские термины доминируют как в целом, так и в преобладающем большинстве тематических групп. Так, по группе наименований власти, ее органов и т. д. удельный вес тюркско-чувашской лексики составляет 64%, по группе титулов и званий — 60%, а по родо-племенным терминам даже 76%. Таким образом, основные термины, относящиеся к общественному и государственно-политическому устройству в чувашском языке являлись общетюркскими по происхождению. В ряде случаев здесь сохранились древние слова, ныне уже неизвестные ни в одном из тюркских языков (см., например, Тăрăн, Ашпатман и др.) или имеющие генетические связи, выходящие далеко за пределы тюркского языкового мира (см. кил, картиш, кар и др.).

Несколько иное соотношение лексического материала по генетическому составу наблюдается в остальных разрядах взятой для рассмотрения лексики. Так, в сфере социально-экономической тюркско-чувашская лексика составляет половину, в юридической — 41%, в военной — 63%, в обрядовой лексике 36% от общего числа слов. В целом по этим четырем дополнительным группам доля тюркских и чувашских слов составляет 46% против 65% в трех основных группах. Соотношение это отражает факт большей проницаемости и изменчивости пластов лексики, связанных с духовной жизнью, правовыми установлениями, торгово-экономической деятельностью и т. д. Эти области лексики в значительной своей части представляют из себя новые, генетически чуждые элементы, освоенные предками чувашей в соответствующих социально-исторических условиях. В то же время здесь фиксируется ряд весьма архаичных терминов тюркского происхождения (см. ят, укça, вӑртах, тынӑ, пӑвçӑ, палӑк и др.).

Почти во всех тематических группах чувашской общественно-политической лексики старой поры есть небольшое количество слов монгольского происхождения. Исключение составляет лишь группа терминов родо-племенной стратификации. Наибольшее количество монголизмов содержат разряды титулов и военных терминов.

Большое место в исследуемой лексической системе занимают слова арабского и персидского происхождения. По существу, после исконно-тюркского материала, это — ее второе главное слагаемое. Дифференцированное в хронологическом и историко-географическом отношении изучение арабско-персидских заимствований является одной из важных задач чувашской исторической лексикологии. К сожалению, почва для подобных исследований еще надлежащим образом не подготовлена. Достаточно сказать, что даже не выявлен более или менее полно общий фонд заимствованных арабских и персидских элементов в чувашском языке. В настоящем исследовании, ограниченном довольно узкими тематическими рамками, дополнительно зарегистрировано около 30⁰ арабизмов и фарсизмов, не считая ранее выявленных и исследованных.

Каково же количество этих слов в отдельных тематических группах чувашей социально-политической лексики? В первых трех группах арабизмы распределены относительно равномерно, составляя в целом 16% разбираемых слов. Наибольшее их число приходится на титулы, в основном связанные с исламом. К актуальному (в смысле социальной значимости) кругу лексики принадлежат термины из государственно-административной сферы и слова, связанные с социально-этническим делением. В группе наименований обрядности арабизмы составляют 43%, а вместе с фарсизмами их будет свыше половины от общего числа — 56%. Соответствующие по тематике обозначения тюркского и чувашского происхождения составляют в этой группе лишь немногим более трети. В группе юридической терминологии слов арабского происхождения насчитывается около 40% — почти столько же, сколько тюркско-чувашских слов. Значительное количество арабизмов включают в себя социально-экономические и военные термины.

Распределение слов персидского происхождения по тематическим группам характеризуется меньшим удельным весом в целом (14% по всем разделам). По сравнению с арабизмами, фарсизмы явно первенствуют в социально-экономической терминологии (28%). Значительные группы слов иранского корня содержат также разряды наименований власти и терминов обрядности.

Слов финно-угорского происхождения в составе рассматриваемых тематических групп очень мало: самостоятельное ёскей «князь», впоследствии «деверь» и элемент вӑш в составе топонимов. Остается нерешенным вопрос о генезисе топонимов кар, наличествующего, кроме чувашского, во многих финно-угорских языках.

Во втором разделе четвертой главы рассматриваются процессы семантических и функциональных изменений в старочувашской общественно-политической лексике. Она стоит довольно близко к другим сложившимся в языке предметно-тематическим объединениям слов в том отношении, что здесь широко распространены явления синонимии, полисемии и т. д., несовместимые с требованиями строгой терминологии в современном их понимании. Бытование в чувашском языке несколько наименований для выражения одного и того же социально-политического понятия отчасти находит объяснение в том, что они по преимуществу относятся к различным историческим периодам и географическим ареалам, то есть должны рассматриваться в плане хронологически или пространственно обусловленной дублетности наименований.

Характерным для многих древних терминов является их детерминологизация, нарушение прежних связей с обозначаемым понятием или реалией, потерявшими свою актуальность. Пример перехода социальных терминов с узкой, специализированной семантикой в сферу общебытовой лексики являются такие слова, как урта «невежда» — первоначально «становище кочевников, орда»; айшатан «учтиво» — «как ишад, напоподобие ишада», паттар «молодец, боевой» — «богатырь (титул)»; пике «красавица, барышня» — «титул девушки из княжеского рода»; терпёш «плохой» — «монах, дервиш»; юпа «столб» — «намогильный холм» и др.

Довольно часто наблюдается терминологическая специализация бытовых слов в социально-политической сфере, как правило, в категории слов исконно-чувашских или тюркских по происхождению, ср. ёс «дело, работа» — впоследствии «ремесло»; кётү «стадо» — «часть деревни, формирующая одно общее стадо»; патрак «хрупкий» — «контрольная часть бирки, стламыаемая от основной» и др.

Вышедшие из употребления по своему первоначальному назначению наименования социального содержания находили применение в других специализированных сферах лексики: религиозно-мифологической, бытовой обрядности, терминологии родства. В ряде случаев подобный сдвиг был связан не с архаизацией термина, а с трансформированным восприятием семантики чужого слова при самом акте заимствования.

Специальный раздел посвящен отражению древней социально-политической лексики в чувашской ономастике. Изучение истории многих старых социальных терминов невозможно отделить от изучения собственных имен, так как они часто сохранились лишь в виде топонимов или антропонимов либо входят в их состав. В диссертации рассмотрено свыше 60 древних чувашских слов,

бывших в свое время ацелятивами, (а некоторые и до сих пор являются таковыми), а затем участвовавших в топонимических сложениях или превратившихся в топонимы в том же виде. Численное соотношение их по тематическим группам крайне неравномерно. Свыше половины терминов, используемых в топонимии (имеются в виду лишь названия населенных пунктов — ойконимы), составляют различные титулы и звания — их 34 из общего числа 64 по всем семи группам. Это прежде всего сословные титулы, принадлежащие представителям привилегированных слоев общества, и высокие должностные звания, владельцы которых, очевидно, наделялись селениями в феодально-ленное пользование либо имели данное селение своей резиденцией. На втором месте по числу терминов, участвующих в образовании ойконимов, стоит группа названий власти, ее органов и т. д. (11 слов). Почти столько же дают термины родо-племенной стратификации. Это наиболее древние, исконно-тюркские слова: ял, сала, сурт, кил, кася и др. Девять наименований, вошедших в топонимию, содержится в группе слов, связанных с военным делом. Наконец, по два таких термина зафиксировано в группах социально-экономической и религиозно-обрядной лексики.

В заключение в диссертации рассматривается вопрос о современном составе чувашской общественно-политической лексики и ее преемственности. Отмечая, что современная чувашская общественно-политическая лексика, особенно в ее терминологической части, развивается под большим влиянием русского языка, автор приводит результаты ряда подсчетов по материалам прессы и словарей, подтверждающих это положение. В то же время исконно-чувашские слова также широко используются для обозначения актуальных в современных условиях социальных явлений и понятий. Анализ слов, послуживших объектом настоящего исследования, дает следующую картину их использования в современном языке. Из общего числа (около 330 слов) по всем семи тематическим группам с той же семантикой сохранилось 52 слова. Многие слова рассматриваемой группы при сохранении ими основного лексического значения приобрели четкую дефиницию, связанную с включением их в систему научной терминологии. Еще одна группа древних обозначений сохранилась в сфере социально-политической лексики с более или менее существенными сдвигами в семантической структуре. Вместе взятые, указанные две группы составляют пятую часть всех рассмотренных в диссертации слов и прямо связывают старую социально-политическую лексику с современной. Однако этим не исчерпываются преемственные связи лексики двух эпох. Значительная группа наименований социально-политических институтов и

понятий, имевших важное значение в прошлой жизни чувашей, используется в современном языке в качестве историзмов книжного литературного языка. Далее, примерно пятая часть всей этой лексики (68 слов) сохранилась в живом народном языке, но употребляется ныне для обозначения бытовых понятий.

Наконец, оставшуюся часть рассматриваемой совокупности слов (150 единиц, то есть немногим менее половины) составляют слова, практически не бытующие ныне в общенародном языке в апелятивном значении, в том числе свыше полусотни древних терминов, сохранившихся в топонимах.

Обобщая изложенное, можно сделать следующие выводы:

Чувашский язык, удовлетворяя потребности своих носителей, с древнейших времен располагал лексическими средствами для передачи явлений и понятий социально-политического характера, образующими в совокупности особый тематический сектор общенародной лексики. Наименования этой сферы, особенно заимствования, в ряде случаев по функционально-семантической специализации приближаются к терминам, хотя в целом для старой социально-политической лексики характерны явления полисемии и синонимии.

Будучи тесно связанными с явлениями социальной действительности, обозначавшие их слова в значительной своей части подвергались архаизации и вышли из живого языкового обихода; многие из них сохранились в качестве реликтов в ономастике, местных говорах, религиозно-обрядовой лексике, языке фольклора. Однако немалое количество старых слов вошло в современную общественно-политическую лексику, обеспечив ее необходимую преемственность. Еще больше специальных наименований перешло в результате детерминологизации в общенародный лексический фонд.

Сбор и исследование старой лексики социально-политического содержания, имеющей исключительный историко-лингвистический интерес, являются актуальными задачами чувашского языкознания. В качестве важнейшего направления этой работы естественно выделить дифференцированное в историко-географическом отношении специальное изучение более узких тематических и генетических групп лексики. При этом особый интерес приобретают вопросы об отражении древней социально-политической лексики в чувашской ономастике и об арабско-иранском вкладе в чувашскую лексику.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Роль русского языка в формировании чувашской общественно-политической терминологии. «Рассвет, сближение и взаимообогащение культур народов СССР», вып. II. Уфа, 1970.

2. Еще раз об арабско-персидском вкладе в чувашскую лексику. «Ученые записки НИИ при Совете Министров Чувашской АССР», вып. XXXIX. Чебоксары, 1968

3. К вопросу о составе общественно-политической лексики и терминологии. «Синхронно-типологические и историко-типологические исследования». М., 1972.

4. Терминсем пирён чёлхере. «Чăваш календаре. 1969» Шупашкар, 1968.

5. Хаçаг чёлхинчи обществăпа политика терминсем. «Чёлхе культури вйтавёсем», I кăл. Шупашкар, 1971.

ИТ 08212. Формат 60×90/16. Объем 1.25 п. л. Заказ № 315. Тираж 200 экз.

Гипография Чувашского госуниверситета им. И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Московский проспект, 15.

